

Александр КУГАЙ

НАСИЛИЕ: ФИЛОСОФСКАЯ ПОЗИЦИЯ ВИДЕНИЯ

В статье представлено философское понимание насилия, охватывающее многообразные формы его проявления и восприятия.

The article presents a philosophical understanding of violence, encompassing multiple forms of its appearance and perception.

Ключевые слова:

свобода воли, свобода выбора, философская трактовка насилия, типология насилия; freedom of will, freedom of choice, philosophical interpretation of violence, types of violence.

В настоящее время, когда в мире идет поиск фундаментальных философских, политических и правовых оснований человеческого бытия, способных обеспечить не только выживание, но и поступательное развитие социума, казалось бы, в первую очередь должны тематизироваться программы ненасилия. Однако ненасилие, как явствует из истории термина и этимологии слова, в начальном пункте представляет собой оппозицию насилию, его отрицание. Чтобы определить качественные границы и содержание ненасилия, необходимо явственно представлять себе существенные признаки насилия.

Сложность исследования этой проблемы связана с тем, что большая часть работ, посвященных насилию, выполнена в соответствии с парадигмой субъект-объектного понимания этого явления и исходит из трактовки феномена насилия в модусе господства одной воли над другой. Подобная методология, порой достаточно эффективная, особенно когда анализируется намеренное, видимое изменение насилия, оказывается недостаточной при изучении феноменов, выходящих за рамки мотивированной сферы.

В узком смысле насилие определяется как применение силы или угрозы такого применения. Эту точку зрения выражают, в частности, Х. Грехэм и Т. Гурр. В их трактовке насилие выступает как «поведение, направленное на нанесение физического вреда людям или их собственности»¹.

В широком смысле насилие понимается все, что заставляет индивидов предпринимать действия, к которым они по природе своей не склонны. Именно такое понимание предлагается американским социологом Г. Ньютоном, по мнению которого «сущность насилия заключается в том, что благодаря ему человека принуждают вести себя не так, как он того хотел бы»². По мнению А. Гжегорчика, «насилие — есть принуждение людей к принятию определенных условий или к какому-то поведению с помощью (чаще всего воображаемого) разрушения их биологической или психологической жизни, либо с помощью угрозы такого разрушения»³.

Не составляет особого труда обнаружить то, что оба подхода отражают сферу волевых отношений. Примером объединяющего (узкий и широкий подходы) определения насилия может служить

¹ Graham H.D., Gurr T.R. The History of Violence in America // Historical and comparative perspectives, 1969, № 4, p. 27.

² Newton G. What is Violence // The Nation, 1968, vol. 206, № 26, p. 821.

³ Гжегорчик А. Духовная коммуникация в свете идеала ненасилия // Вопросы философии, 1992, № 6, с. 56.

КУГАЙ

Александр

Иванович —

д.филос.н.,

профессор кафедры

политологии

Северо-Западного

института

управления РАНХиГС

Kugay3@yandex.ru

трактовка этого понятия, изложенная А. Гусейновым. «Насилие, — отмечает он, — есть узурпация свободной воли»¹.

Отметим, что аспект социального насилия (насилия в обществе), связанный с волевыми отношениями в процессе противодействия между субъектами, выделяет в первую очередь его связь с личностными факторами. Ведь самое страшное в 99 случаях из 100 является людям не как гром небесный, но другой человек: солдат в мундире, грабитель, приставляющий нож к горлу, террорист, поднимающийся на борт авиалайнера с бомбой в портфеле и т.д. Не случайно в современной справочной философской литературе (издания Кембриджского и Оксфордского университетов, англо-американская энциклопедия социальной и культурной антропологии, итальянская и немецкая философские энциклопедии) насилие преимущественно рассматривается в качестве намеренного, осознаваемого, артикулируемого воздействия, исходящего либо от отдельных субъектов, либо от институционализированных структур (правовое насилие).

Однако такой подход к определению понятия дает нам весьма ограниченное представление о насилии. В этом случае ускользают многие явления, даже такого крупномасштабного характера, которые поставили человечество перед проблемой выживания. Разве не попадают в область социального насилия явления, в которых источник насилия выступает в обезличенной форме, например в виде тотальной рационализации общественной жизни, предзаданного господствующей культурой человеку отношения к бытию и т.п.?

Так, Ю. Хабермас основную проблему нашего времени видит во вторжении системного мира в сферу жизненного мира². С полным основанием можно вести речь о насилии историей, накал которого усиливается в период крупномасштабных социальных реформ. Современность предстает совокупностью жестких стандартов-императивов, несоблюдение которых карается отлучением от нее и поражением в формальном или неформальном статусе. Серьезная опас-

ность исходит от технократического отношения к миру.

В целом, можно отметить, что человек, преобразуя свой мир, вызывает к жизни такие силы, над которыми он уже не господствует. Чем активней он усложняет мир, тем в большей степени порождает непредвиденные социальные факторы, которые могут формировать структуры, радикально ухудшающие человеческую жизнь.

Поэтому, обращаясь к проблеме насилия, следует иметь в виду два обстоятельства. Первое заключается в том, что объем и содержание понятия насилия не должны ограничиваться сферой волевых отношений между людьми, но охватывать предельный спектр социальных явлений, создающих угрозу человеческому существованию. Второе: не следует рассматривать насилие как единый предмет. Наоборот, философские опции в вопросах онтологии, различия в подходе к насилию необходимо влекут за собой коррелятивные способы его восприятия и понимания.

В этой связи, очевидно, наиболее предпочтительным является, во-первых, функциональное определение, которое, с одной стороны, не содержит в себе жестких ценностных, теоретических и практических ограничений и поэтому является максимально объективным, а с другой — включает в себя максимально возможный ряд проявлений насилия в жизни людей.

Во-вторых, определение насилия должно быть личностно-экзистенциальным, поскольку «только конкретный человек как экзистенциальный центр предполагает чувствительность к страданиям и радостям. Ничто в объективном мире, ни нация, ни государство, ни социальный институт, этим чувствительным не обладают»³.

В-третьих, поскольку общество является продуктом не только индивидуальных, но и коллективных субъектов (наций, этнических общностей, различных социальных групп), дефиниция должна дедуцироваться таким образом, чтобы она описывала жизнедеятельность совокупного субъекта.

В-четвертых, определение не должно быть одномерным, но предусматривать

¹ Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии, 1994, № 6, с. 36.

² Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / пер. с нем. М.Л. Хорькова. — М.: Праксис, 2007.

³ Гжегорчик А. Указ. соч.

вариабельность и контекстуальность восприятия насилия.

В-пятых, трактовка насилия должна быть максимально формальной, поскольку его определения, основанные на знании «сущностей», открывают путь для иных проявлений насилия.

В-шестых, в процессе дедуцирования понятия следует избрать такое основание, которое при определенном онтологическом допущении должно распространяться на весь ряд живых существ.

Что же объединяет разнообразные по форме и масштабам, видам и целям, социальному содержанию и направленности проявления насилия в обществе? Не найдя стержня, ариадниной нити, ведущей нас из этого лабиринта определенных, мы потеряемся в массе бессвязных и разрозненных представлений, лишенных концептуального единства.

Анализ сознательной волевой жизни социального субъекта свидетельствует о том, что она в процессе своего развертывания проходит три стадии. Первая — это актуализация отдельных интересов/ценностей. Данная фаза характеризует пассивное отношение воли субъекта к внешнему миру. Вторая — это взаимное сдерживание и ранжирование интересов/ценностей путем выбора между ними. Это стадия внутренней работы субъекта. Третья — это волевой импульс, при помощи которого несдерживаемый или определяемый выбором интерес/ценность переходит в соответствующее действие, что выражает активное отношение субъекта к миру. В этой связи насилие выступает как ограничение свободы выбора факторами социальной среды.

Если следовать от простого к сложному, от внешнего к внутреннему, целесообразно начать обоснование со свободы действия, подняться обратно к свободе выбора и, наконец, — к свободе актуализации интересов/ценностей. Переход волевого импульса к действию может быть задержан различными обстоятельствами, исходящими от другого субъекта, или в результате воздействия обезличенных социальных сил, будь то организация, разрушительные последствия технологической деятельности (террацид) и т.д.

Однако социальная несвобода проявляется не только в прямом уничтожении свободы действия: к физическому

ограничению она присоединяет и духовное ограничение — через систему угроз, моральных запретов, в которых заинтересован источник насилия. Не случайно пощечина того же полицейского причиняет больше страданий, чем естественная боль. Но непосредственно при этом нарушается не свобода действия, а свобода выбора. Коммуникативное острие, порождающее экзальтацию насильственных чувств, подобно жалю, проникающему в плоть. Его невозможно извлечь иным образом, как только выполнить предзаданную команду. Страх склоняет социальный субъект на сторону подчинения чужой воле, превращая его в объект. В социальной жизни, когда угроза принуждает одну волю служить другой, она редко доходит до прямого нарушения свободы действия, ибо она в состоянии настолько стеснить свободу выбора, что ей незачем браться за более грубые средства. Следовательно, при нарушении свободы воли внешнее ограничение переходит во внутреннее, ограничение действия незаметно сменяется ограничением свободы выбора. Власть накладывает свою тяжелую руку не столько на свободу действия, сколько на свободу выбора. Она усиливает политическое насилие, чтобы крепче держать массы людей на поводу внутренней работы принуждения. Она окружает процесс выбирающей воли такими преградами, что только в исключительных случаях ей приходится вторгаться в свободу действия.

Насилие — отнюдь не прозрачный феномен, обнаружить его зачастую непросто, невзирая на то, что мы окружены его множественными репрезентациями в культуре. Поэтому, чтобы очертить реальный горизонт проблемы насилия, следует различать ощущение и состояние насилия. В идеальном плане состояние и ощущение насилия совпадают. Но может быть и такое положение, когда люди, находясь в зоне тотального насилия, психологически его непосредственно не ощущают. Более того, нередко в этом случае индивид переживает «героическое» бытие. «В сакрализованном мире, — отмечал в этой связи А. Камю, — нет проблемы бунта, как нет вообще никаких реальных проблем, поскольку все ответы даны раз и навсегда»¹.

¹ Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. — М.: Политиздат, 1990, с. 133.

Отсюда становится очевидным, что наше представление о насилии должно охватывать и такие события, относящиеся к этому явлению, при которых оно непосредственно не осознается. Данному критерию, очевидно, соответствует обобщенная философская трактовка насилия как принудительного ограничения свободы выбора индивидуального или коллективного субъекта факторами социальной среды.

По своему содержанию и объему насилие можно условно разделить на две большие группы. Первая группа включает те виды насилия, которые связаны с ограничением свободы воли личностно-мотивированными (прежде всего, нравственными) факторами (политическое, школьное, семейное и пр. насилие). Здесь насилие инициируется из собственных действий разумного существа, которые зависят от него самого, а не из того, что с ним случается помимо его воли. Вторая группа объединяет немотивированное, системное насилие, вызванное теми или иными артефактами человеческой деятельности, исходящее от безличных сил, не предусматривающее чей-то осознанный выбор (структурное, экономическое, технологическое и пр. насилие). При этом отметим, что грань между различными видами насилия является весьма подвижной. Примером немотивированного системного насилия может служить экономическое насилие, заключающееся в условиях рынка в господстве над человеком вещи, которая при товарно-денежном обмене приобрела известную самостоятельность по отношению к создавшему ее производителю. Но то же экономическое воздействие в результате введения экономических санкций следует рассматривать как намеренное ограничение свободы воли.

При этом любые проявления насилия, будь то школьное, семейное, экологическое, могут носить криминальный характер, если они возмущают сознание общества, воплощенное в нормативных актах

уголовного (преимущественно) права¹. Иными словами, действие возмущает общественное сознание не потому, что оно преступно, но оно преступно потому, что возмущает общественное сознание. Мы его порицаем не потому, что оно преступление, но оно преступление потому, что мы его порицаем.

Философская позиция видения насилия становится предостережением от грубого вмешательства в традиционные представления людей о приемлемом и неприемлемом, что особенно актуально в эпоху глобализации, сопровождающейся ростом конфликтов, связанных с защитой людьми привычного уклада жизни.

Таким образом, представленное понимание насилия в рамках логической оппозиции к свободе воли позволяет нам определить, с одной стороны, функциональное единство различных проявлений насилия, а с другой — многомерность его видов и форм, вариабельность его восприятия. Все многообразие видов и форм насилия редуцировано к единой функции — ограничению свободы выбора субъекта. При допущении укорененности свободы в основании бытия (А. Шопенгауэр, Н.А. Бердяев) данная трактовка насилия охватывает также и природу, позволяя «улавливать» события насилия, с кем бы они ни происходили и с чем бы ни были связаны. В свете очерченного становится явным и то, что проявление массового, системно осуществляемого насилия возможно лишь при отсутствии его рефлексии со стороны исполнителей. Так разрешается и один из известных сократовских парадоксов, согласно которому намеренное, сознательное зло лучше зла ненамеренного, слепого.

¹ Методология анализа данной проблемы представлена в работе Э. Дюркгейма «О разделении общественного труда»: «...мы можем сказать, что действие преступно, если оно оскорбляет сильные и определенные состояния коллективного сознания». См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. — М.: Наука, 1990, с. 78.